

Митрополит Иосиф (Семашко) и реформы народной школы в Северо-Западном крае

Анна Комзолова

Metropolitan Iosif (Semashko) and reforms of the public school in the North-Western Provinces

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow;
Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009263-0

Фигура митрополита Литовского Иосифа (Семашко) (1798—1868) не раз привлекала внимание историков, прежде всего благодаря его ведущей роли в воссоединении униатов Белоруссии и Литвы с православной Церковью в 1839 г.¹ и тому влиянию, которое он оказывал на формирование самосознания и национальной идентичности своей паствы. По словам одного из биографов, владыка был «наиболее замечательный церковный и государственный деятель в Западном крае» XIX в.² Изучение взглядов и деятельности митрополита в значительной мере облегчает его бережное отношение к собственным архивам и воспоминаниям. Как признавался сам Иосиф, ему была «тягостна мысль» о том, что «недоброжелатели постараются марать память мою» и, «может быть, мне не отдаст справедливости и самая Церковь православная»³. Поэтому он неоднократно формулировал и развивал свои представления об истории Литовско-Белорусского края, его общности с Россией и необходимости борьбы с «латино-полонизмом». С этих позиций смотрел он и на просветительские задачи русской православной школы.

© 2020 г. А.А. Комзолова

Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.» Российского научного фонда.

This research was supported by the grant № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

¹ Толстой Д.А. Иосиф, митрополит Литовский, и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. СПб., 1869; Чистович И. Пятидесятилетие воссоединения с православной Церковью западно-русских униатов (1839—1889). Обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. СПб., 1889; Извеков Н.Д. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Вильна, 1889; Киприанович Г.Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православною церковью в 1839 г. Изд. 2. Вильна, 1897; Орловский Е. Судьбы православия в связи с историею латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794—1900). Гродно, 1903; Шавельский Г., протопр. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833—1839 гг.). СПб., 1910; Романчук А., прот. Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: жизнь и служение. Минск, 2012; и др.

² Киприанович Г.Я. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский. Вильна, 1894. С. IV.

³ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. СПб., 1883. С. 551.

Митрополит нелегко переживал то, что находится на границе двух цивилизаций — «на пределах Церкви православной, среди решительно преобладающих иноверных и инородных элементов». Ему постоянно приходилось морально обороняться или, по его выражению, стоять «лицом к лицу против неправд Запада». Сложность и уязвимость его позиции усугублялась тем, что между ним и представителями центральной власти в крае всегда имела определённая дистанция, и от него «был сокрыт ход и положение самого правительственного дела»⁴. «Стояние это тем тягостнее, — сетовал Иосиф, — что для пользы Церкви и государства нужно было избегать явной борьбы, а весь натиск враждебных элементов отражать преимущественно невозмутимой стойкостью и официальное действие употреблять только для редких, особенной важности случаев»⁵.

Действительно, владыка лишь дважды позволил себе призвать петербургское начальство обратить внимание на опасное состояние Литовско-Белорусского края, где, по его убеждению (сложившемуся, видимо, ещё в молодости), «России равнодушной, дремлющей» постоянно угрожала деятельность «латино-польской партии». В неё Иосиф включал всех польских помещиков и чиновников, а также католическое духовенство. Уже в 1832 г. он отмечал, что «русские хотя и победители, но не сильнейшие в западных губерниях»⁶. В январе 1855 г. митрополит послал обер-прокурору гр. Н.А. Протасову конфиденциальное письмо о катастрофических последствиях усиления в крае «латино-польской партии»⁷. «Не мне одному известно, — писал архиерей, — что уже накануне последнего польского мятежа (1830—1831 гг. — А.К.) ещё не верили людям, предостерегавшим об оном... Я не говорю, чтобы эта партия сама собою была теперь столько сильна материально, дабы слишком беспокоить правительство. Но в случае движения на Россию всего Запада не приготовлено ли в здешней стране для врагов самое благоприятное управление?»⁸. Однако эта записка «не имела дальнейших последствий, за смертью графа Протасова, а после государя, может быть, и за окончанием [Крымской] войны»⁹.

Второй раз Иосиф обратился непосредственно к Александру II, отправив ему 26 февраля 1859 г. особую записку «с полным и ясным изложением положения Польши и Литвы между собою и в отношении к России»¹⁰. Прочитав её, император с явным недоумением и смущением отметил: «Я не понимаю, чего он хочет, ибо никогда и речи не было и в мысли мои не входило отступить от принятой при батюшке системы»¹¹. Сам духовный пастырь полагал, что ему удалось вызвать некоторый позитивный эффект, но время уже было упущено, и восстание 1863 г. оказалось неотвратимым¹².

В записке 1859 г. митрополит, пожалуй, наиболее полно выразил свой взгляд на «польский вопрос» в Западном крае. Он утверждал, что соединение с Литвой в одно государство «спасло» Польшу от неизбежного онемечивания,

⁴ Там же. Т. 1. СПб., 1883. С. 256.

⁵ Там же. Т. 2. С. 551.

⁶ Там же. Т. 1. С. 599.

⁷ Там же. Т. 2. С. 542—547.

⁸ Там же. С. 546.

⁹ Там же. Т. 1. С. 256.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 257. Текст записки см.: РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 283, л. 1—8; Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 558—564.

¹¹ 1863 год на Меншчыне. Минск, 1927. С. 144.

¹² Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 1. С. 257.

при этом «русские провинции» Речи Посполитой вплоть до конца XVIII в. «оставались по-прежнему русскими, и по названию, и по народонаселению». Поляки находились в меньшинстве, и «Литва оставалась Литвою». При разделах Речи Посполитой Россия «возвратила только древнее своё достояние — достояние св. Владимира, составившее Литву после татарского погрома». Но Александр I совершил роковую ошибку, присоединив к империи собственно польские земли. И уже в 1830—1831 гг. «оказалось, что Царство Польское, вместо чтобы быть передовым постом и оплотом для России, есть и будет всегда передовым постом и оплотом для Франции и других наций, России недоброжелательных». «Стоило ли, — спрашивал Иосиф, — для этого восстанавливать и устраивать Царство Польское?». В результате Западные губернии с преобладающим русским населением оказались своеобразной культурной и политической периферией Царства Польского, которое «запустило сюда глубоко когти»: разнервнувшаяся в крае полонизация препятствовала «слитию сих губерний с единокровною Россиею» и «общему образовательному духу государства»¹³.

Важным инструментом противодействия полонизации края митрополит считал развитие в приходских школах русской грамотности. Именно в сфере народного просвещения у православного иерарха в 1840—1860-е гг. имелись определённые рычаги воздействия на правительственную политику. Православное духовенство, помимо своих непосредственных обязанностей, играло важную роль посредника между властью и народом, между царём и крестьянином; в приходских церквях обнародовались императорские манифесты. Всё это приобретало особое значение в столь сложном — в этническом и конфессиональном отношении — регионе, как Северо-Западный край. Между тем в 1840—1860-х гг. возник ещё один институт, ставший местом «встречи» государства и крестьянства — начальная сельская школа, которую в тот период также невозможно было представить без участия приходских священников.

В ходе реформирования государственной деревни, проводившегося гр. П.Д. Киселёвым, именным указом 27 июня 1842 г. были утверждены правила об организации приходских училищ в казённых селениях¹⁴. В них преподавались Закон Божий, русская грамота («чтение книг гражданской и церковной печати, чистописание и скоропись»), а также начала арифметики и счисление на счётах. В Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилёвской и Витебской губерниях эти училища начали открываться с 1843 г. Они создавались под контролем палат государственных имуществ на основании общего учебного Устава 1828 г., введённого в действие в Западном крае в 1834 г.¹⁵

При этом гр. Киселёв был последовательным сторонником передачи начального образования крестьян в руки православного духовенства. Характерно, что в октябре 1846 г., объехав западные губернии и выслушав многочисленные жалобы местных пастырей на общее охлаждение их паствы к исполнению религиозных обрядов и редкое посещение храмов, он предложил обер-прокурору Святейшего Синода обязать приходских священников учить крестьянских детей, обучавшихся в приходских школах, церковному пению и больше привлекать их на клирос во время обедни в праздничные дни. Таким образом граф

¹³ Там же. Т. 2. С. 558—561.

¹⁴ ПСЗ-II. Т. 17. Отд. 1. СПб., 1843. № 15794.

¹⁵ РГИА, ф. 384, оп. 1, д. 2026, л. 145.

думал сформировать у них привычку посещать церковь, где они «неприметно изучали бы все её обряды; за детьми последовали бы и родители; сначала из привязанности и любопытства слушать пение своих сыновей, а потом также по привычке». Тем самым в обычаях народа «могло бы произойти благодетельное изменение без всяких мер, требующих усилий и настояний»¹⁶.

Согласно указу 27 июня 1842 г., наставниками в приходских училищах должны были состоять, по выбору местных епархиальных архиереев, православные или католические священники, диаконы, причетники или семинаристы, в должной мере владевшие русским языком¹⁷. Но власти сразу же столкнулись с трудностями при поиске учителей¹⁸. А попечитель Белорусского учебного округа Э.А. Грубер выступил против передачи крестьянских училищ в местностях с литовским населением («в Самогитии») в ведение духовенства, предпочитая назначить светских учителей, знающих «местный жмудский язык, на котором говорят исключительно тамошние крестьяне, и которому не обучают в православных духовных училищах». Он также указывал, что лицам православного вероисповедания нельзя будет поручить преподавание Закона Божия для католиков. Однако все изменения в указе 1842 г. требовалось согласовать с императором, на что руководство Министерства народного просвещения не пошло¹⁹.

У чиновников Министерства государственных имуществ возражения руководства Белорусского учебного округа не находили понимания²⁰. В 1843 г. в Ковенской губ., где преобладало литовское католическое крестьянство, ксёндзы отказались преподавать в школах, которые планировалось открыть. Тогда управляющий местной палатой государственных имуществ обратился к архиепископу Литовскому Иосифу (Семашко) с просьбой рекомендовать выпускников православной семинарии. Впрочем, епархиальное начальство не смогло никого предоставить²¹. Тем не менее в декабре 1843 г. гр. Киселёв, вследствие недостатка православного духовенства в «литовских» губерниях, разрешил приглашать на места наставников школ окончивших курс в семинариях центральной России²². Вскоре в Виленскую и Гродненскую губернии прибыли три воспитанника Рязанской и шесть — Калужской семинарий²³, а в Ковенскую губ. — два питомца Могилёвской и один — Владимирской семинарий²⁴. Вместе с ними преподавали и светские лица, как правило, получившие образование в местных средних учебных заведениях (Динабургской гимназии, Витебской семинарии для приходских учителей, Слонимском дворянском училище и др.)²⁵.

Постепенно количество школ и численность учащихся увеличивались. К 1846 г. в Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилёвской губерниях Министерство государственных имуществ открыло 64 учи-

¹⁶ Там же, оп. 2, д. 1313, л. 222—222 об.

¹⁷ В самом тексте указа конфессиональная принадлежность крестьян и духовенства не уточнялась (ПСЗ-П. Т. 17. Отд. 1. № 15794).

¹⁸ Так, в апреле 1844 г. из-за отсутствия учителей вместо 15 училищ, которые планировали учредить палаты государственных имуществ в Виленской и Ковенской губерниях, удалось открыть только 4 и 2 учебных заведения соответственно (РГИА, ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 68).

¹⁹ РГИА, ф. 733, оп. 66, д. 671, л. 5—8, 25—28; ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 19—20 об., 99—101.

²⁰ Там же, ф. 384, оп. 2, д. 1324, л. 49—51 об., 111—112 об.

²¹ Там же, л. 44—48 об., 64—66 об.

²² Там же, д. 1313, л. 134—135 об.

²³ Там же, л. 161—163 об.; д. 1324, л. 91, 94.

²⁴ Там же, д. 1324, л. 71, 76, 92 об.

²⁵ Там же, л. 66, 119—122.

лица, которые посещали 1 388 учеников²⁶. В 1854 г. там насчитывалось уже 124 приходские школы киселёвского ведомства, где 127 наставников обучали 3 492 детей (3 102 мальчиков и 390 девочек)²⁷. В 1861 г. в шести губерниях Северо-Западного края действовали 159 ведомственных сельских училищ, в которых учились около 6 тыс. детей и преподавали 147 клириков и 7 мирян²⁸.

До учреждения Министерства государственных имуществ педагогическая деятельность в казённых имениях не регламентировалась. По сведениям, полученным в 1838 г. от казённых палат, в приходских школах северо-западных губерний обучали чтению и письму на русском и польском, иногда — чтению на латинском, немецком (в Белостокской обл.), литовском или жмудском (в Виленской губ.) языках²⁹. Официально в училищах ведомства государственных имуществ преподавание велось только по-русски. Теоретически одной из главных их целей являлось распространение русской грамотности среди белорусских и литовских крестьян. В 1853 г. Учёный комитет министерства стандартизировал используемые учебные пособия и ввёл собственные каллиграфические прописи для чистописания (в начале 1854 г. для западных губерний их отпечатали 3 тыс. экз.)³⁰. Однако на деле обучение шло на польском и других языках, которыми хорошо владели местные православные священники³¹. Вероятно, в белорусских сёлах также учили польскому языку (во всяком случае, необходимые для этого книги имелись в наставнических библиотеках).

Вопрос о «легализации» преподавания польского и литовского языков в училищах для государственных крестьян Северо-Западного края неоднократно поднимался в правительственных сферах, особенно остро — в середине 1850-х гг. Поводом стало анонимное письмо, в котором отмечалось широкое распространение польской грамотности в белорусских и литовских деревнях и говорилось об опасности влияния на их жителей сочинений поляков, излагавших «исторические ложные понятия о России»³². В ноябре 1854 г. гр. Киселёв приказал губернским палатам изучить положение дел и немедленно прекратить обучение польскому языку в школах его ведомства³³. Между тем в мае 1855 г. управляющий Ковенской палатой государственных имуществ Д.А. Татаринов, сообщая министру о положении и нуждах подчинённых ему учебных заведений, предложил разрешить преподавание литовского языка. Граф решил выяснить отношение к этому виленского генерал-губернатора и министра народного просвещения³⁴. Сменивший его во главе министерства М.Н. Муравьёв 28 мая 1857 г. обратился к митрополиту Иосифу с просьбой сообщить его мнение о целесообразности уроков польского и литовского языка в сельских приходских училищах³⁵.

К тому времени преосвященный Иосиф давно уже оспаривал представления о том, что польский является «отечественным языком» Литвы и может

²⁶ Там же, д. 1313, л. 209—210 об.

²⁷ Там же, оп. 6, д. 24, л. 37.

²⁸ Там же, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 173.

²⁹ Там же, ф. 384, оп. 1, д. 2026, л. 13 об.—14, 35 об.—46, 48—52, 78 об.—79.

³⁰ Там же, оп. 5, д. 1235, л. 2—9 об., 19, 51.

³¹ Там же, оп. 6, д. 23, л. 9, 10.

³² Там же, л. 1—2 об.

³³ Там же, л. 4, 5.

³⁴ Там же, л. 17—18, 20.

³⁵ Там же, л. 27—28 об.

быть допущен в школах Северо-Западного края. «Что мы называем отечественным языком? — рассуждал он в сентябре 1830 г., обращаясь к Д.Н. Блудову. — Это язык, употребляемый массою какого-либо народа. Но в так называемой ещё до ныне русскими Польше губернии: Киевская, Подольская, Волынская, Гродненская, Минская, Могилёвская, без мала Витебская, отчасти даже Виленская и Белостокская область, заселены народом, русским по языку и происхождению; почти вся Виленская и три уезда Витебской — чухнами, латышами и самогитами, столь же мало по-польски, как и по-русски понимающими. И так, для считаемого в тех странах отечественным польского языка остаётся город Вильна, и то не без исключения, небольшие онаго окрестности, часть Белостокской области, а также помещики и несколько мелкой шляхты»³⁶.

Вместе с тем взгляд архиерея на языковую ситуацию в регионе в целом был реалистичен. Иосиф вполне отдавал себе отчёт в том, что воссоединённое духовенство Литовской епархии едва ли будет проводником русской грамотности среди местных крестьян. Так, в 1840 г. он предписал приходским священникам по воскресным и праздничным дням читать поучения и объяснять катехизис «на простом общепонятном для их прихожан языке», а «менее опытным» из них рекомендовал обращаться за советами к «своим собратьям, более сведущим в духовных науках и в знании простонародного языка». При этом в своём рапорте Святейшему Синоду владыка признавал, что не мог дать более подробные наставления вследствие «новости самого предмета» и «разнообразия наречий и состава самого духовенства по Литовской епархии». Местных пастырей, по его мнению, следовало снабдить образцами проповедей на русском языке, поскольку большинство из них, «получив прежде воспитание в польских училищах, не знают хорошо русского языка и не будут в состоянии в своих поучениях на простонародных тамошних наречиях применяться к общему духу русского языка»³⁷.

10 июня 1857 г., отвечая на запрос Муравьёва, митрополит заявил, что преподавание польского языка в Виленском генерал-губернаторстве «не только бесполезно, но и вредно», а знакомство с литовским следует ограничить чтением под руководством ксёндзов молитвенников и богослужебных книг, но только «после достаточного изучения детьми русской грамоты». Но особого смысла он в этом не видел. «Утверждают, — писал владыка, — что преподавание сих языков нужно для богослужения и для распространения образованности между населением литовским и самогитским. Если для богослужения, то не ввести ли лучше в приходские училища язык латинский, на котором совершается и должно здесь совершаться богослужение по правилам Римской Церкви? Если для распространения образованности, то как это возможно при недостатке письменности на самогитском и литовском языке? Неужели думают возможным образовать для этого уголка особую литературу? И не во стократ ли лучше и удобнее усилить здесь знание русского языка, а тем самым облегчить образование народа в совокупности с общим государственным телом?»³⁸.

Позиция Муравьёва оказалась не столь категоричной. В ноябре 1858 г. он поддержал мнение виленского генерал-губернатора В.И. Назимова, который

³⁶ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 1. С. 573.

³⁷ РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 1654, л. 4—4 об.

³⁸ Там же, ф. 384, оп. 6, д. 23, л. 42—43 об. См. также: Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 620—622.

склонялся к тому, чтобы не навязывать крестьянам изучение русского языка и не запрещать преподавание других³⁹. Муравьёв в то время также готов был их допустить, пусть и неофициально⁴⁰. Более того, под его управлением Министерство государственных имуществ постепенно утратило интерес к эксперименту в сфере просвещения. К этому времени уровень образования в казённых имениях Северо-Западного края оценивался чиновниками и педагогами учебного ведомства как довольно низкий⁴¹. Как выяснилось, назначение учителями священников или семинаристов не гарантировало, что крестьянские дети успешно овладеют русским языком.

Между тем 18 января 1862 г. Александр II распорядился, чтобы Министерство народного просвещения, не ожидая составления и окончательного утверждения общего для всей империи проекта положения о народных училищах, немедленно приступило к учреждению их в западных губерниях⁴². При этом приходские школы, уже учреждённые или вновь учреждаемые православным духовенством, оставались в ведении епархиального начальства⁴³. В Святейшем Синоде тогда критиковали проект, составленный в особом межведомственном комитете под председательством попечителя Петербургского учебного округа И.Д. Делянова, и настаивали на том, что общее руководство и наблюдение за начальным образованием должно принадлежать духовному ведомству⁴⁴.

Управляющий Министерством народного просвещения А.В. Головнин придавал большое значение созданию светских сельских школ в Западном крае, рассматривая этот эксперимент как «первоначальный опыт, от которого будет зависеть успех или неуспех будущего повсеместного устройства народных училищ»⁴⁵. В апреле 1862 г. попечитель Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинский-Шихматов, пользовавшийся значительной свободой действий, представил ему свою программу распространения грамотности среди белорусских и литовских крестьян⁴⁶. Уже к концу июля 1862 г. в крае удалось открыть около 100 новых школ (обучение в них началось в ноябре 1862 г.)⁴⁷, к концу 1863 г. их было уже около 130 и планировалось открытие ещё 250—300⁴⁸.

Одновременно на рубеже 1850—1860-х гг. в западных епархиях, как и во всей империи, происходило бурное расширение сети православных церковно-приходских школ. В Литовской епархии (450 приходов⁴⁹) в конце 1861 г. их числилось 247 с 4 061 учащимся (3 952 мальчика и 109 девочек)⁵⁰, а в марте

³⁹ РГИА, ф. 384, оп. 6, д. 23, л. 11—12.

⁴⁰ Там же, л. 48. Подробнее о позиции Муравьёва см.: *Комзолова А.А.* Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850—1860-е гг. // *На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьёва (1796—1866)*. СПб., 2017. С. 184—201.

⁴¹ См., например, заключение по отчёту попечителя Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова за 1861 г.: РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1524, л. 4.

⁴² Там же, оп. 170, д. 19, л. 275.

⁴³ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 349, л. 6—6 об.

⁴⁴ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 230—243 об., 270—270 об., 336—343.

⁴⁵ Там же, оп. 140, д. 17, л. 64.

⁴⁶ Там же, оп. 62, д. 1482, л. 101—107, 118—126 об.

⁴⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 11 об., 12.

⁴⁸ РГИА, ф. 733, оп. 62, д. 1484, л. 29—29 об., 43—44 об.

⁴⁹ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 43.

⁵⁰ Там же, ф. 797, оп. 32, 4-е отд., д. 292, л. 16.

1863 г. — уже 303 с 6 857 детьми (6 570 и 287 соответственно)⁵¹. Однако в Ковенской губ. и в 1864 г. их не было вовсе⁵².

Обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов в июле 1862 г. заявил литовскому и киевскому архиереям, что рассматривает предстоящее «неизбежное соревнование между приходскими и светскими училищами в одном селе» как борьбу за умы и сердца простого народа. По его словам, «если духовенство сумеет привлечь народ к себе, то он не пойдёт в светское училище — и дело народного направления будет выиграно. Если, напротив, он предпочтёт светскую науку — тогда конец»⁵³. При этом деятельность светских школ казалась обер-прокурору и церковным иерархам «вредной» не только вследствие ожидаемого ослабления духовно-нравственного воспитания, но также из-за возможного распространения среди малограмотного народа идей «сепаративного патриотизма» разного рода.

Характерно, что польские помещики спешили воспользоваться «оттепелью» начала царствования Александра II для того, чтобы усилить своё культурное доминирование в регионе. Несмотря на противодействие со стороны высших и центральных властей, под давлением местных землевладельцев и чиновников польские школы и обучение польскому языку притягивали всё более широкий круг не только белорусских и литовских крестьян-католиков, но и православных белорусов. В начале 1860-х гг. Назимов неоднократно доносил в Петербург об опасной активности мировых посредников в сфере начального образования. Принимая на себя «уполномочия быть тайными агентами польского дела в крае», они уговаривали помещиков открывать полулегальные школы, в которых сельские писари, «жарко преданные польскому делу», обучали всех желающих польской грамоте и католическому катехизису «по букварям, напечатанным на сей предмет в Вильне и Варшаве». Крестьян убеждали не посылать детей в казённые училища: католикам внушалось, что правительство «посредством этой меры хочет обратить их в православную веру». Русские буквари изымались, а вместо них бесплатно раздавались польские. В некоторых случаях училища, где не обучали по-польски, даже выбрасывали из помещений, принадлежавших сельским управлениям. Генерал-губернатор пытался с этим бороться, но без особого успеха⁵⁴.

Массовые тиражи польских букварей, расходившихся среди крестьян западных губерний, вызывали у властей беспокойство. Даже если в них и не было «ничего недозволенного», они считались орудием католического прозелитизма, поскольку считалось, что по ним, составленным для католиков, «неминуемо будут учиться и дети православных родителей, не имеющие других букварей». 27 марта 1862 г. Синод предложил архиереям Западного края внушать приходскому духовенству через благочинных, чтобы, «если у кого из их прихожан будут усмотрены экземпляры польского букваря, то старались бы, с осторожностью, благовидным образом отбирать оные». 14 мая Ахматов разослал им письма с личной просьбой обратить внимание на эту проблему и принять меры

⁵¹ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 19, л. 345—346.

⁵² Существовавшие там 24 училища действовали при католических и евангелическо-реформатских храмах или содержались частными лицами (Там же, д. 123, л. 1 об.—2 об.).

⁵³ Там же, ф. 797, оп. 31, 2-е отд., 1-й стол, д. 18 а, л. 211—211 об.

⁵⁴ Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края / Сост. А.И. Миловидов. Ч. 1. Вильна, 1913. С. 191, 194—196, 202—204.

для предотвращения «неизбежно вредных для православия последствий от употребления польского букваря». По мнению обер-прокурора, главы епархий, будучи «очевидцами» «враждебных отношений поляков к нашей Церкви», сами могли оценить «всю опасность и тот вред, какой может произойти от обучения православных детей по букварю, излагающему христианские догматы в извращённом виде и притом латинскими буквами на польском языке, который в руках польского католического духовенства обыкновенно служит орудием для соращения в латинство». Для противодействия этому предлагалось более широко и бесплатно распространять русский букварь, изданный Синодом в 1860—1861 гг.⁵⁵

Митрополит Иосиф ещё в апреле 1862 г. поручил Литовской консистории воспрепятствовать использованию польских букварей православными крестьянами. В том же году он не раз жаловался Ахматову на противодействие польских помещиков и чиновников учреждению в епархии новых православных приходских училищ. Главную угрозу архиерей усматривал в политизации народного образования сторонниками «иноверной и инородной партии». Не будь этого, католические учебники не вызывали бы тревоги — «они бы остались мёртвою буквою среди русского православного населения». Но в сложившейся обстановке «само отнимание православными священниками у своих прихожан польских букварей может послужить только предлогом обвинения их в присвоении полицейской власти». «Таким образом, — писал Иосиф Ахматову 22 мая 1862 г., — ни отнимание православными священниками польских букварей, ни безмездная раздача букварей русских не может противудействовать с успехом преднамеренному направлению означенных училищ к усилению в здешней стране полонизма. Воспрепятствовать этому направлению зависит от гражданских и училищных начальств»⁵⁶. Вскоре по просьбе владыки Синод прислал в Литовскую епархию для награждения лучших учеников церковных школ 300 экз. Нового Завета и 600 духовных книг для народного чтения на русском языке⁵⁷.

Первые годы устройства сельских училищ были самыми трудными не только в силу того, что это дело оказалось принципиально новым для педагогов, бюрократии, духовенства и особенно крестьянских обществ, но и вследствие напряжённой политической обстановки на западных окраинах империи, сложившейся в период «манифестационного движения» 1861—1862 гг. и польского восстания, которое началось в январе 1863 г. и имело вполне определённый религиозный характер. Помимо требования реставрации Речи Посполитой в границах 1772 г., повстанцы добивались и восстановления Унии⁵⁸. В апреле 1863 г. революционное правительство выпустило на польском языке обращение к «духовным восточного вероисповедания», в котором, грезя о «возвращении Литвы и Руси к единению с Польшей», обещало прощение «заблудшим»,

⁵⁵ РГИА, ф. 797, оп. 32, 1-е отд., д. 69, л. 1, 4—6 об., 9 об.—10. Первый тираж (более 150 тыс. экз.) первоначально должен был продаваться по доступной для прихожан цене. Второй тираж, выпущенный в 1861 г., достигал уже 1 млн, тогда же около 11,5 тыс. букварей выслали в Литовскую епархию (Там же, л. 4 об.—5).

⁵⁶ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 31 об.—32, 37—37 об.

⁵⁷ Там же, л. 32 об.; ф. 797, оп. 32, 4-е отд., д. 292, л. 18в.

⁵⁸ В частности, польские повстанцы объявляли крестьянам Литовской епархии о восстановлении Унии. Характерно также, что в 1863 г. они часто принуждали православных священников сбривать бороды, угрожая повешением (Там же, ф. 797, оп. 33, 4-е отд., д. 171, л. 7 об., 16 об., 37).

раскаившимся в своих «преступлениях» против «родины», и грозило страшными карами тем «извращённым и закоренелым преступникам», кто проявлял «недоброжелательство» и, оставаясь «слепым, подлым орудием Москвы», «подстрекал братьев» «к войне домашней»⁵⁹. Это воззвание рассылалось благочинным и священникам края⁶⁰.

Восставшие терроризировали как представителей местной власти, так и православных пастырей и их прихожан. В Литовской епархии были случаи убийств православных священников. Так, в мае 1863 г. в городе Сураже Белостокского уезда Гродненской губ. мятежники повесили священника местной церкви К. Прокоповича, а в июле в Пружанском уезде той же губернии убили священника Котранской церкви и законоучителя местного сельского училища Р. Рапацкого. В апреле в Вилькомирском уезде Ковенской губ. ими был повешен наставник Субочского сельского училища, сын причетника В.С. Смольский⁶¹. В Троцком уезде той же губернии наставника Олькеницкого училища, сына священника О. Павловского, насильно увели в «шайку»⁶². Молодой воспитанник Литовской духовной семинарии Давидович, едва приступив к исполнению обязанностей наставника в школе, открывшейся в феврале 1863 г. в местечке Зарудавье Волковысского уезда Гродненской губ., «встретил недоверие со стороны самих жителей и явное недоброжелательство со стороны волостных писаря, станowego пристава, ксёндза и проч. (все они... оказались впоследствии участниками в мятеже); не раз приходилось ему прятаться от этого начальства в оврагах, хлевах и т.п.; жалованье, посылаемое из окружного управления, не доходило до него; крестьяне, подстрекаемые волостным писарем, не давали ему даже хлеба»⁶³.

В этой обстановке появились временные Правила для народных школ в шести белорусско-литовских губерниях, утверждённые Александром II 23 марта 1863 г. (за год до принятия аналогичного закона для всей империи)⁶⁴. Ими предусматривалось создание училищ для детей всех состояний без различия вероисповеданий, но в основном для крестьян, которым предстояло на русском языке освоить навыки чтения и письма, основы арифметики, Закон Божий и церковное пение.

Проект временных правил, подготовленный в Министерстве народного просвещения, дважды (5 и 13 марта 1863 г.) обсуждался в Западном комитете⁶⁵. Одновременно на его рассмотрение поступили четыре записки, представленные Головнину в ноябре 1862 — феврале 1863 г. кн. Ширинским-Шихматовым, Назимовым и митрополитом Иосифом⁶⁶. Желая достичь соглашения с попечителем и действовать «общими силами и общими средствами», 2 февраля 1863 г. владыка высказался за «слияние» народных училищ и приходских школ

⁵⁹ Архивные материалы Муравьёвского музея... Ч. 1. С. 378—379.

⁶⁰ Митрополит Иосиф был знаком с этим воззванием: Назимов представил ему целую пачку таких листов в «запечатанных пакетах», адресованных различным священникам епархии (РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 52—52 об.).

⁶¹ Там же, ф. 797, оп. 33, 4-е отд., д. 171, л. 3—3 об., 12—13, 18—20 об., 32—33.

⁶² Во время её столкновения с правительственными войсками Павловский попытался бежать, но был ранен и попал «в плен» уже к русским (Там же, л. 48—49).

⁶³ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 70, л. 7—7 об.

⁶⁴ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39411. Ст. 1—18.

⁶⁵ РГИА, ф. 1267, оп. 1, д. 14, л. 159—163.

⁶⁶ Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 1856, л. 1.

Литовской епархии⁶⁷, которые, по словам его записки, не могли постоянно поддерживаться «на хорошей степени, и по скудости собственных материальных средств, и по преобладанию в здешней стране польско-латинского элемента». Влияние этого «элемента» угрожало и министерским училищам, поскольку, как полагал архиерей, «они бы подверглись могущественному влиянию... латино-польской партии, подобно другим учебным заведениям». Именно поэтому, заключал он, «для поддержания свойственной большинству здешнего народонаселения русской народности и языка желательно, чтобы церковные приходские и народные училища слились воедино и действовали под совокупным направлением и надзором как начальства учебного округа, так и духовного православного начальства»⁶⁸.

Ахматов, вероятно, всё же сомневался в целесообразности такого «слияния». Во всяком случае, он попросил митрополита более подробно развить свою мысль. Отвечая ему 15 февраля, Иосиф вновь писал о крайней «скудости средств» местного православного духовенства и опасности «ополячивания». «Если народные училища были бы заведены в тех же местностях, что и церковные, — рассуждал он, — то взаимные силы тратились бы бесплодно в пустом соперничестве. Если же были бы они в других местностях, то ускользали бы от взора и влияния православного духовенства, а напротив, подверглись бы всеильному влиянию латино-польской партии. Сие последнее сбылось бы тем вернее, что в народные училища избирались бы по необходимости учителя, сей партии принадлежащие, как это совершилось с другими учебными заведениями здешнего учебного округа»⁶⁹. Неформальное соглашение между митрополитом и попечителем предполагало, что открытые православным духовенством школы по мере возможности будут обращаться в народные училища «с обеспечением их средствами для сих последних назначаемыми; и чтобы училища сии замещаемы были преимущественно наставниками духовного ведомства». Оно позволяло также совместно выбирать места для устройства учебных заведений, координировать назначение и увольнение учителей, обеспечивать двойной — административно-педагогический и религиозно-нравственный — контроль за ними и т.п.⁷⁰

Со своей стороны, кн. Ширинский-Шихматов отмечал в отчёте за 1862 г., что по его просьбе митрополит Литовский рекомендовал нескольких священников и семинаристов на места наставников народных школ⁷¹. Об их тесном сотрудничестве свидетельствовал и циркуляр, разосланный князем 12 января 1863 г. и регулировавший права и обязанности светских учителей и православных законоучителей. Согласно этому распоряжению, священники, преподававшие Закон Божий, должны были наблюдать за поведением педагогов, которые без их согласия не могли куда-либо отлучаться в учебное время; об их «неблагонадёжности» следовало немедленно сообщать попечителю⁷². Иосиф не скрывал от Ахматова, что, «разумеется, будут некоторые затруднения от двоеначалия,

⁶⁷ Там же, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 197.

⁶⁸ Там же, л. 42.

⁶⁹ Там же, л. 43 об.

⁷⁰ Там же, л. 43 об.—44 об.

⁷¹ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 6, 15 об.

⁷² Там же, д. 98, л. 5 об.; д. 85, л. 1—2 об.

но всё же этот двойной контроль больше принесёт пользы, нежели неудобств, особенно в период первых годов после учреждения народных училищ»⁷³.

Ознакомившись с мнением владыки, обер-прокурор выразил готовность пойти на компромисс в Северо-Западном крае, хотя и продолжал отстаивать право епархиального начальства на высший надзор за школами. «Правительству, — писал он Головнину 21 февраля 1863 г., — не следует скрывать от себя действительности: полемические статьи светских журналов, проекты начального обучения разных комитетов, недоразумения, возникшие на практике, поселили в духовных лицах мысль, может быть и неосновательную, что Министерство народного просвещения предупреждено против участия духовенства в училищной деятельности. Такой антагонизм, хотя бы и мнимый, крайне вреден, потому что ведёт к раздвоению правительственных средств и сил, едва достаточных и при единодушном взаимодействии к достижению цели». Между тем «исключительное положение Западного края, борьба православного элемента с иноверным и инородным» вынуждали признать «правительственное вмешательство в дело начального обучения необходимым, требуя притом совместного и единодушного действия всех ведомств»⁷⁴.

В руководстве Министерства народного просвещения также отдавали себе отчёт в том, что православное духовенство — фактически единственная общественная сила, на которую власти могли рассчитывать в своих просветительских опытах в Северо-Западном крае. Несмотря на желание Головнина и его единомышленников, создать там сеть светских начальных школ было невозможно из-за отсутствия учителей, которых остро не хватало и в других регионах империи. Поэтому ничего не оставалось, как привлекать приходское духовенство к преподаванию всех предметов школьного курса.

В итоге в текст временных правил, одобренный Западным комитетом и затем утверждённый императором, не был включён пункт, касавшийся учреждения церковно-приходских школ. Представители епархиального управления вошли в состав училищных советов и инспекций при дирекциях народных школ, а приходским священникам поручалось наблюдать «за религиозным и нравственным направлением в училище» и при необходимости высказывать свои замечания учителям или докладывать начальству⁷⁵. Вывод С.В. Римского о том, что после принятия Правил 1863 г. православное духовенство в шести северо-западных губерниях «вообще оказалось отодвинутым на задний план»⁷⁶, нельзя признать вполне справедливым.

В соответствии с программой кн. Ширинского-Шихматова, школы прежде всего учреждались в Виленской и Гродненской губерниях, а также в Новгородском уезде Минской губ., — как правило, там, где находились церкви или поблизости от них, т.е. в районах наибольшего сосредоточения православного населения. Как пояснял сам попечитель, в этих губерниях было немало мест, в которых проживали преимущественно или даже почти исключительно православные крестьяне, но из-за близости католических приходов «и православие и русская народность подвержены здесь наиболее неблагоприятным для своего

⁷³ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 44.

⁷⁴ Там же, ф. 797, оп. 31, 2-е отд., 1-й стол, д. 18 Б, л. 11 об.—12 об.

⁷⁵ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. № 39411. Ст. 3, 15.

⁷⁶ *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860—1870-х годов). М., 1999. С. 443.

развития условиям». Поэтому появление в этих сёлах народных училищ «в православном и национальном духе составляло потребность более настоятельную, нежели, например, в губернии Минской, где по значительному перевесу православного элемента над католическим многие местности остаются недоступными католической пропаганде»⁷⁷.

Таким образом, для устройства первых школ попечитель осознанно выбрал полосу этноконфессионального пограничья, где противоречия или даже конфронтация между различными социальными группами населения ощущались острее всего. Очевидно, это объяснялось стремлением изменить сложившийся баланс сил в пользу правительственной власти и Русской Церкви, что вполне соответствовало представлениям и практике митрополита Иосифа (Семашко), рассматривавшего территорию своей епархии как «пояс, отделяющий православное население от иноверия, и как бы поле постоянной между ними борьбы»⁷⁸. Ещё в 1840-х гг. он особенно заботился об открытии и поддержании приходов, например, в Лидском уезде Виленской губ., где, по его словам, «оканчивается народонаселение русское православное, а начинается литовское, римско-католическое», и «более нежели где-либо присоединяется к православию людей сего последнего исповедания»⁷⁹.

В остальной части Минской, а также в Витебской, Могилёвской и Ковенской губерниях первые народные школы открылись в 1864—1865 гг.⁸⁰ Характерно, что в Минской губ. пункты для их размещения первоначально выбирались в основном по рекомендациям епархиального начальства и лишь затем одобрялись служащими учебного ведомства. Причём логика отбора здесь была принципиально иной, нежели в Виленской и Гродненской губерниях: учитывались прежде всего многочисленность православных приходов, «центральность положения в известной окружности, существование с давнего времени в тех местах церковных школ, ограждение от влияния польско-католической пропаганды»⁸¹.

В начале 1860-х гг. православных священников часто приглашали занимать наставнические места во вновь открывавшихся училищах Северо-Западного края, но те зачастую отказывались, ссылаясь на большую занятость делами прихода и собственным хозяйством. Чиновник Министерства народного просвещения Н.П. Авенариус, ранее командированный в Германию и Швейцарию для изучения передовых методов организации учительских семинарий, а осенью 1863 г. объезжавший Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии для подготовки рекомендаций руководству учебного округа, отмечал: «Здесь приходы по большей части очень велики, от трёх до пяти тысяч душ; иногда в ведении священника находится не одна церковь, а целых 3 или 4 (так называемых приписных); между тем жалованье, даваемое консисторией, так ничтожно, что священник по необходимости должен посвящать большую часть свободного от приходских обязанностей времени хозяйству. В большей части школ, которые мне удалось посетить... сначала были назначены наставниками

⁷⁷ ОР РНБ, ф. 377, д. 87, л. 5—5 об.

⁷⁸ Записки Иосифа, митрополита Литовского. Т. 2. С. 680.

⁷⁹ РГИА, ф. 797, оп. 16, 1846 г., д. 38571, л. 1—3 об., 9.

⁸⁰ В Минской губ. в середине 1864 г. насчитывалось 154 штатных народных училища; в них состояли наставниками 106 священников, 5 диаконов, 6 дьячков, 33 семинариста, 1 выпускник гимназии, и оставалось ещё 3 вакансии (ОР РНБ, ф. 377, д. 124, л. 1, 7—8 об.).

⁸¹ Там же, л. 1.

священники; но эти последние уже через несколько месяцев или отказались от наставнической должности, довольствуясь обязанностями и жалованием законоучителя, или же выпросили себе у г. попечителя более надёжных помощников, потому что те помощники, на которых им указала в своём циркуляре консистория, т.е. дьячки, почти без исключения оказываются неспособными к учительскому делу. Из здешних дьячков редкий умеет читать и петь и редкий не пьёт запоем»⁸².

Тем не менее во второй половине 1860-х гг. представители местного духовенства составляли основу учительского персонала в начальных школах Виленского учебного округа. На 1 января 1866 г. в них преподавали 395 священников, занимавших одновременно наставнические и законоучительские должности (ещё 212 являлись только законоучителями), наставниками также состояли 146 диаконов и причетников, 214 воспитанников семинарий и 119 лиц «разных званий». В среднем священнослужителями были около 45% всех наставников народных школ. В Виленской дирекции народных училищ, охватывавшей Виленскую и Гродненскую губернии, их доля составляла около 59%, в Минской — около 53%, в Витебской, заведовавшей Витебской и Могилёвской губерниями, — около 43%⁸³.

Впоследствии митрополит Иосиф писал о своём разочаровании принятым в 1863 г. решением о «слиянии» школ. В марте 1866 г. обер-прокурор Святейшего Синода гр. Д.А. Толстой просил его сообщить, «не оказалось ли на практике каких-либо неудобств» в Литовской епархии при исполнении Правил 1863 г. и «не уменьшилась ли энергия духовенства по народному образованию с тех пор, как оно лишилось права исключительного и полного распоряжения церковно-приходскими школами»⁸⁴. Отвечая, владыка констатировал: «Учебный округ получил от казны значительные на народные училища суммы, коими он исключительно и распоряжается. Суммы сии дали ему возможность определить экстренное содержание многим приходским училищам, заведённым духовенством, и тем самым поставить от себя в зависимость многих священников и причетников... Самое это назначение экстренного жалования некоторым из духовенства подействовало неблагоприятно на других духовных, содержащих церковно-приходские училища от себя без стороннего пособия; тем более что возникли обвинения... якобы духовные, получившие жалование, достигли этого происками, а не по достоинству. Это одно обстоятельство породило уже заметное охлаждение у многих из духовенства к учреждению и поддержанию церковных училищ»⁸⁵. Кроме того, архиерей жаловался графу на последствия «двоевластия»: избыточную опеку «посредством многочисленных директоров и инспекторов, назначаемых одним Учебным округом», зависимость клира «от стороннего ведомства», которая «производит между оным некоторую шаткость в отношении его к духовному начальству и в исполнении прямых лежащих на нём духовных обязанностей»⁸⁶.

Однако преобладание клириков в народных училищах Северо-Западного края продолжалось лишь на первом этапе, пока существовала огромная

⁸² РГИА, ф. 733, оп. 170, д. 70, л. 6—6 об.

⁸³ ОР РНБ, ф. 377, д. 98, л. 4 об. Несколько иная картина наблюдалась в Ковенской дирекции, где наставнические должности занимали 67 воспитанников семинарий и 11 лиц «разных званий».

⁸⁴ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 284, л. 196 об.

⁸⁵ Там же, л. 197—197 об.

⁸⁶ Там же, л. 198 об., 219—220.

потребность в подготовленных преподавателях. По крайней мере до начала 1870-х гг. основным источником пополнения педагогического состава школ Виленского округа служили православные семинарии внутренних и отчасти западных губерний. Однако их воспитанники оставались наставниками лишь непродолжительное время, а затем либо принимали священный сан в Литовской и других епархиях, либо поступали на гражданскую службу, либо возвращались на родину. Наиболее остро эта текучесть кадров ощущалась в Ковенской губ., где ежегодно выбывало по 20—30 учителей народных школ, а из числа прибывших туда в 1865—1867 гг. семинаристов к началу 1870-х гг. продолжали преподавать менее трети⁸⁷. Молодеченская учительская семинария, первая в России, в начале 1870-х гг. ежегодно выпускала в среднем не более 20—25 человек⁸⁸. Главным образом они направлялись в Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии⁸⁹. В сентябре 1872 г. открылась учительская семинария в Полоцке, которая готовила педагогов для Витебской и Могилёвской губерний⁹⁰, в ноябре 1872 г. — в Поневеже (30 стипендиатов для Ковенской губ.)⁹¹, в 1874 г. — в Несвиже Минской губ.⁹², в 1875 г. — в местечке Свислочь Гродненской губ. В итоге, к концу XIX в. большинство сельских учителей оканчивали местные учебные заведения. Например, в 1894/95 учебном году 175 из 223 преподавателей народных училищ Виленской губ. (около 80%) являлись выпускниками учительских семинарий и институтов⁹³.

Таким образом, организация в 1840-х гг. казённых училищ для государственных крестьян Белоруссии и Литвы стала важным экспериментом в области народного просвещения. Митрополит Иосиф оказывал им некоторое содействие, однако их развитие происходило скорее вопреки его представлениям. Вместе с тем приобретённый тогда негативный опыт был учтён в период реформ 1860-х гг. Осуществлённое по инициативе владыки в 1863 г. «слияние» народных училищ Литовской епархии и Виленского учебного округа, предполагавшее объединение материальных возможностей правительственного аппарата с нравственным и интеллектуальным авторитетом пастырей, фактически продолжалось вплоть до начала 1880-х гг., когда, с одной стороны, сформировалась система профессиональной подготовки педагогов, а с другой — руководство Святейшего Синода сделало ставку на развитие собственной сети церковно-приходских школ.

⁸⁷ Там же, ф. 733, оп. 170, д. 673, л. 5 об.—6 об.

⁸⁸ Около половины её выпускников были уроженцами Минской губ. (Там же, д. 742, л. 13 об.).

⁸⁹ Там же, д. 673, л. 2.

⁹⁰ Штаты семинарии предусматривали ежегодный приём 30 учеников, но, по словам министра народного просвещения, в 1872 г. «прилив желающих был так велик, что начальство заведения должно было допустить в неё 52 человека». Почти все они являлись выходцами из крестьян и ранее обучались в сельских школах (Там же, д. 742, л. 1—2).

⁹¹ Там же, д. 673, л. 79—84.

⁹² Там же, д. 742, л. 87—87 об.

⁹³ Там же, оп. 172, д. 894, л. 2.